

Продолжая наши новеллы, неврдно было бы вспомнить и эту: в одной деревне близ города Парижа проживали две добрые кумушки, которые собрались в означенный город в субботу утром на рынок. Распродав все с собой привезенное и закупив нужное, отправились они обратно домой и по дороге, проходя некоей улицею, повстречали торговца вином, который продавал мускат по шести денье за кружку. Наши две кумушки, которых томила жажда, а вдобавок и желание полакомиться, отведали этого вина и, найдя его слаще меда, расспросили торговца, где продается такое вино. Он указал им один дом, и они, войдя туда, спросили пинту муската, каковой и был им тут же подан. Кумушки наши приложились к кружке, и опять вино показалось им вкуснее всего на свете. Выдули они эту пинту в два счета, а за нею и другую, а та позвала за собою третью, однако лакомки-то каши думали, что пинта тоже идет по шести денье, в чем сильно ошибались, ибо стоила она шесть «беляков»,⁹³ они же разочли так, что выпили всего на 18 денье. Почему и заказали еще одну пинту и захмелели не на шутку, так что на ногах не стояли и лыка не вязали, и пришлось им проспаться прежде, нежели уходить оттуда. Когда же они продрали глава, то первым делом должны были расплатиться за выпитое вино. Хозяин насчитал, что взяли они на десять су вина и на шесть «беляков» всего остального, каковой итог кумушек наших ошаршил донельзя.

– Как! – вскричали они, – да ведь ваше вино идет по шести денье за пинту. Нам и торговец так сказал.

– Ах ты, черт подери! – закричал и хозяин, – да это вино стоит больше двадцати су во всем городе да на сто двадцать лье кругом. Клянусь душой, вы мне должны двадцать су, и заплатите их все до единого!

Тут наши кумушки впали в великое уныние, ибо уразумели, что от расплаты им не уйти. Да к тому же на дворе уже смеркалось, и хотя денег у них при себе было немного, но, делать нечего, приходилось платить; бот рассчитались они с хозяином и ушли со двора вместе со своим ослом, думая и гадая, что бы такое наплести мужьям насчет веселого своего времяпрепровождения в городе. Тут и говорит одна кумушка другой.

– Эх, не печалься, голубушка! Я вот ничуть не жалею о спущенных денежках, – хоть разок, да попиrowали всласть. Уж ты поверь мне, я обоих наших муженьков вокруг пальца так обведу, что они и не пронюхают ничего.

– Ой, милая моя, – просит вторая, – вы уж придумайте что-нибудь, а я сделаю все, как вы велите.

Тут и говорит ей первая:

– Надобно нам сказать то-то и то-то.

И вот, подойдя поближе к дому, они прикинулись огорченными и давай во всю глотку поносить да ругать своего осла такими словами: «Ах ты, скотина чертова, надо же было нам с тобой связаться да повести тебя в город!» Когда их мужья, которые никак взять в толк не могли, куда же это подевались их жены, услышали, как они бранят осла, они выбежали из дому поглядеть, что там такое стряслось с этим ослом.

– Господи боже! – говорит один из мужей, – где это ты, жена, запропастилась?

– Да все эта чертова скотина виновата, – кричит она.

– А в чем же дело? – спрашивает муж.

– Да вот, – сетует жена, – осел-то наш забрался на чужое поле да нажрался там от пуза, а сержанты взяли его да в тюрьму за потраву, и нам стало больше 15 су его сызволить; видали, сколько убытков нам от этого осла и отчего мы так замешкались.

– Ах ты, боже мой! – говорит другой муж, – ну что ж теперь поделаешь, – раз такая незадача: стало быть, надо смириться и стерпеть.

– Так-то оно так, – говорит ему жена, – да ведь нам-то вон как пришлось потратиться из-за какого-то паршивого осла!

– Ну, будет тебе, будет! – урезонивает ее муж, – что сделано, то сделано, а нам пора ужинать, – не ложиться же спать на голодное брюхо. Потеряли 15 су, ну и ладно, дай бог, чтобы не

⁹² *Господин Шодри с моста* – кто-то из земляков Никола де Труа

⁹³ *Беляк* – монета, соответствующая пяти денье, то есть невысокого достоинства.